

Соловьев К.А.

Семантика легитимности государственной власти в текстах Высочайших манифестов к. XIX – нач. XX вв.

Соловьев Константин Анатольевич — доктор исторических наук; профессор кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail ksoloviov@spa.msu.ru

Аннотация

В статье проводится анализ текстов Высочайших манифестов, опубликованных в период между 1881 и 1907 гг. В ходе анализа семантического поля власти, были выделены архаические и модернизаторские концепты легитимности государственной власти. Соотношение этих концептов в текстах манифестов, опубликованных в 1905–1907 гг., характеризует трансформацию представлений о легитимности государственной власти.

Ключевые слова

История России, Высочайший манифест, легитимность власти, семантика власти; семантические единицы, Манифест 17 октября 1905, Манифест 3 июня 1907.

Анализ текстов Высочайших манифестов был проведен в рамках программы научных мероприятий факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова «Россия от 17 октября к октябрю семнадцатого».

Исходная гипотеза состояла в том, что понимание сущности верховной власти в текстах манифестов выражалось определённым и конечным набором опорных семантических единиц, перемена которых должна означать и перемену представлений о том, как может осуществляться взаимодействие власти и населения. В этой связи, в зависимости от результата анализа, можно говорить либо о сохранении единого семантического поля власти, либо о его трансформации. Единство семантического поля или определенные разрывы в нем, а также возможное противоборство семантических полей в одном документе могут быть определены наличием в нем тематических, синонимических и антонимических рядов семантических единиц, выражающих как господствующие представления о характере государственной власти, так и те идеи, которые предлагаются на смену старым, отживающим свой век.

Для анализа были отобраны тексты семи Высочайших манифестов:

1. «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству...» от 29 апреля 1881 года¹. Текст манифеста подготовлен К.П. Победоносцевым, по его инициативе, в сотрудничестве с

¹ Манифест от 29 апреля 1881 года «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1908. Т. I. № 118. С. 53–54.

графом С.Г. Строгановым². Цель, преследуемая при выпуске этого манифеста, — обозначить приоритеты высшей власти после убийства народовольцами императора Александра II и начала правления его преемника Александра III. В условиях нарастающих общественных ожиданий продолжения реформ, начатых Александром II, в качестве примера было выбрано поведение Николая I после подавления выступления декабристов и издание им двух манифестов: от 19 декабря 1825 года (о придании «явных врагов» самодержавия суду) и от 13 июля 1826 года — о приговоре осужденным³. 26 апреля 1881 К.П. Победоносцев писал Александру III: «Спешу представить Вашему Величеству выработанную мною редакцию манифеста, в коей каждое слово мною взвешено. По моему убеждению, редакция эта совершенно соответствует потребности настоящего времени»⁴. Следовательно, можно говорить о том, что а) текст манифеста задумывался как прямое и максимально точное высказывание о роли и значении власти в настоящий момент; б) властная риторика манифеста, в соответствии с его задачами, выдвинута на первый план; в) семантика власти в нем традиционна и зависима от образцов: текстов двух манифестов Николая I.

2. «О кончине императора Александра III и присяге» от 20 октября 1894 года⁵. Манифест, как следует уже из его названия, подготовлен был с целью объявить о смерти Александра III и назначении общенародной присяги его наследнику. Очевидна его связь с семантическим полем власти. Некоторые современные авторы приводят текст этого (а также следующего из рассматриваемых нами) манифеста в качестве примера того, что император Николай II «публично идентифицировал себя как реформатора»⁶. Семантическое поле власти в этом манифесте не так ярко выражено, как в предыдущем, поскольку он имеет больше служебное назначение, чем идеологическое.

3. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 года⁷. Манифест подготовлен по инициативе князя В.П. Мещерского, комиссией под руководством министра внутренних дел В.К. Плеве, при непосредственном участии самого императора⁸. Выход документа был приурочен ко

² Письма Победоносцева к Александру III. В 2-х т. Т. 1. М., 1925. С. 330–331.

³ Подробно об этом: *Томсинов В.А.* Конституционный вопрос в России в 60-е — начале 80-х годов XIX века. М., 2012. С. 186–199.

⁴ Письмо К.П. Победоносцева к Александру III от 26 апреля 1881 года // Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 331–332.

⁵ Высочайший Манифест // «Богословский Вестник», издаваемый Московской Духовною Академиею. Сергиев Посад, 1894. Т. III. С. 13–14.

⁶ Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXIII. № 22581. 26.02.1903.

⁸ *Соловьёв Ю.Б.* К истории Манифеста 26 февраля 1903 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XI. Л., 1979. С. 198–199.

дню рождения Александра III, что должно было, видимо, подчеркнуть сохранение преемственности в политике верховной власти. Основной посыл манифеста: важнейшие направления внутренней политики Александра III (незыблемость самодержавия, поддержка православия и общинного характера крестьянской жизни) будут сохранены, при возможности обсуждения некоторых частных реформ. В семантическом поле манифеста можно обнаружить два противоборствующих ядра — «державности» и «развития». Второе семантическое ядро выражено такими словоформами, как собственно «развитие», так и другими: «деятельность», «благосостояние», «труды», «преобразование».

4. «Об учреждении Государственной Думы» от 6 августа 1905 года⁹. Этот манифест сейчас трактуется как «законодательное оформление идеи народного представительства»¹⁰. Подготовленный Особым совещанием под руководством министра внутренних дел А.Г. Булыгина и прошедший широкое (в сравнении с текстами других манифестов) обсуждение там же под председательством самого Николая II в июле 1905 года, Манифест символизирует семантический разрыв с прежними представлениями о взаимодействии власти и народа. Именно этот манифест авторы, выразившие официальную позицию, в трактовке процесса обновления государственного порядка в начале XX века называли «выразителем “нового” начала в государственном строе России»¹¹.

5. «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года¹². Написанный членом Государственного совета А.Д. Оболенским проект документа, был исправлен им и временным управляющим делами Комитета министров Н.И. Вуичем, по замечаниям С.Ю. Витте. Манифест, подписанный императором, под давлением Витте, породил нескончаемую дискуссию о том, может ли Россия, со времени публикации этого документа именоваться конституционной монархией, а если да, то в какой мере¹³.

6. «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы» от 20 февраля 1906 года¹⁴. Текст манифеста подготовлен Особым совещанием, во главе с Д.М. Сольским, по разработке реформы

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение 1-е. Ст. 26656. С. 637–638.

¹⁰ *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 25.

¹¹ *Князьков С.* Самодержавие в его истинном смысле. СПб., 1906. С. 34.

¹² Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. С. 41.

¹³ Подробно об этой полемике см.: *Пронкин С.В.* Правительственный конституционализм в России XVIII — начала XIX века: традиции изучения. М., 2012. С. 182–215.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение 1-е. Ст. 26656. С. 637–638.

Государственного совета¹⁵. Авторство документа в работах, посвященных реформе Государственного совета, не указывается. В работе над текстами «установлений 20 февраля» и в их обсуждениях принимали участие не меньше двух десятков чиновников высшего ранга¹⁶. «Служебный», или «рабочий», характер этого документа в значительной степени ослабляет семантическое поле власти. Тем не менее он важен как явное свидетельство той тенденции, которая была обозначена двумя манифестами 1905 года.

7. «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу» от 3 июня 1907 года¹⁷. Считается, что манифест написан П.А. Столыпиным. В нем отчетливо заметно восстановление властной риторики, по сравнению с предшествовавшими ему манифестами. Семантическое поле этого документа чрезвычайно плотно и насыщено как ранее используемыми словоформами, так и новыми, ранее, в рассматриваемых здесь манифестах, не использованными.

Таким образом, среди установленных авторов текстов Высочайших манифестов три государственных деятеля «первого ряда», определявших (насколько это возможно в монархии) политику государства в тот момент, когда эти манифесты готовились. Это наставник и ближайший советник императора Александра III, обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев и два председателя Совета министров — С.Ю. Витте и П.А. Столыпин. К ним примыкает фигура председателя Государственного совета графа Д.М. Сольского, но его участие в написании текста манифеста, могло быть ограничено лишь общим руководством. Еще два государственных деятеля, «приложившие руку» к подготовке текстов манифестов, — министры внутренних дел В.К. Плеве и А.Г. Булыгин — по должности являлись исполнителями принятых политических решений, но по влиянию были близки к деятелям первого ряда. Таково же положение члена государственного совета С.Г. Строганова, влияние которого определялось тем, что именно он руководил воспитанием и образованием Александра III в бытность того великим князем. Наконец, к числу исполнителей чужой воли, отвечающих только за подготовку текста, можно отнести члена Государственного совета (а до этого — товарища министра финансов) А.Д. Оболенского и помощника управляющего делами Комитета министров Н.И. Вуича. Особое место в этом ряду занимает издатель-редактор еженедельника «Гражданин» князь В.П. Мещерский. Он не был государственным служащим, и его

¹⁵ Мальцева И.В. Реформа Государственного совета в России в 1906 г. // Правоведение. 1994. № 5–6. С. 168–172.

¹⁶ Бородин А.П. Реформа Государственного Совета 1906 г. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 82–96.

¹⁷ Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 271–273.

влияние на политику государства определялось дружеской близостью сначала к Александру III, а затем и к Николаю II.

В качестве семантической единицы выбрано *слово*, как «информационная единица, обладающая неделимостью по смысловому признаку»¹⁸ и предстающее в тексте манифеста как лингвокультурный концепт, основной слой которого «актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения»¹⁹. Происходит это потому, что опорная семантическая единица (*слово*) представляет собой «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания»²⁰. Объект здесь — верховная власть, ситуация — ее взаимодействие с народом / населением.

Современная наука считает, что «общепризнанным свойством концепта стала его многомерность»²¹. Однако семантика Высочайших манифестов, предназначенных как для чтения, так и для «зачитывания» вслух неграмотным людям, должна была быть максимально упрощена, а семантические единицы использованы в самом общем значении или значении «первого плана». А поскольку манифест как документ — традиционная форма обращения Власти к народу, то из трех «слоев» структуры концепта (актуальный, исторический и внутренняя форма, практически не осознаваемая носителем языка²²) этот первый план должен определяться либо победой одного из слоев над другими (например, победой исторического над актуальным), либо компромиссом между ними.

Итак, в качестве опорных единиц семантического «поля власти» были выбраны слова (и словоформы), часто встречающиеся в трех первых манифестах и используемые для выражения взаимодействия власти и народа: вера / Бог, верность / преданность; власть / власти; самодержавие; народ / народный; общество / общий / общественный; долг; Русь / русский.

Частота использования этих семантических единиц представлены в Таблице 1. Данные этой же таблицы наглядно можно представить в Диаграмме 1.

¹⁸ Tsvetkov V.Ya. Semantic Information Units as L. Florodi's Ideas Development // European Researcher. 2012. Vol. 25. No 7. P. 1037.

¹⁹ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004. С. 48.

²⁰ Карасик В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999. С. 39.

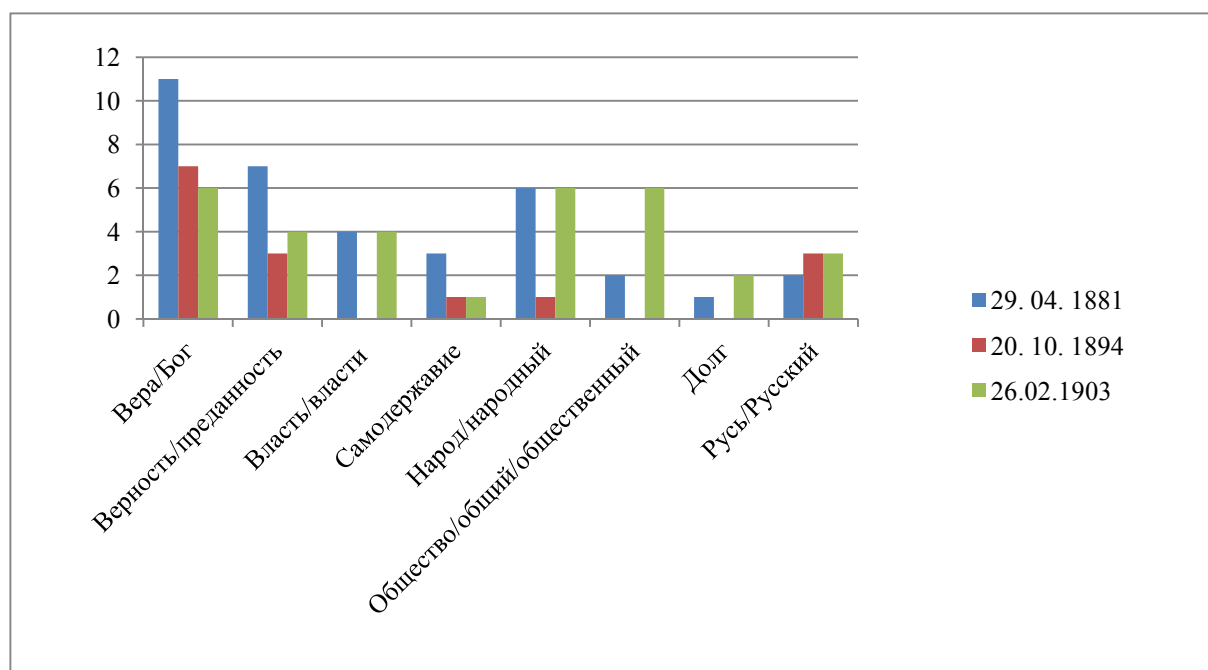
²¹ Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронежского государственного управления. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29.

²² Рябкова Е.С. Лингвокультурный концепт как элемент языка и культуры // Альманах современной науки и образования. 2012. № 4 (59). С. 187.

Таблица 1. Частота использования семантических единиц, составляющих «поле власти» в Манифестах 29 апреля 1881, 20 октября 1894, 26 февраля 1903

Семантические единицы	29.04.1881	20.10.1894	26.02.1903
Вера / Бог	11	7	6
Верность / преданность	7	3	4
Власть / власти	4	0	4
Самодержавие	3	1	1
Народ / народный	6	1	6
Общество / общий / общественный	2	0	6
Долг	1	0	2
Русь / русский	2	3	3

Диаграмма 1. Частота использования семантических единиц, составляющих «поле власти» в Манифестах 29 апреля 1881, 20 октября 1894, 26 февраля 1903

Мы видим, что в текстах трех манифестов постоянно присутствуют словоформы: вера / Бог, самодержавие, народ. Все три семантические единицы, объединённые одним текстом, дают точное совпадение с охранительной теорией «официальной народности», которая со времени графа С.С. Уварова выражалась триединством: «православие, самодержавие, народность». Устойчивое использование еще одного термина — «русский» — на наш взгляд, отражает две тенденции. Этот термин находится в одном контексте с «верой»: слово «русский» означает

«православный», что в полной мере вписывается в семантику уваровской «триады». С другой стороны, использование слова «русский» в манифестах противопоставляет так называемых коренных жителей так называемым инородцам и символизирует единство власти и «русского» народа, в противовес тем, кто имеет иную национальность и / или веру. (Необходимо отметить, что возможны и иные трактовки использования слова «русский». Так, при обсуждении этого доклада на круглом столе А.Ю. Полунов указал, что слово «русский» может в данном контексте трактоваться как «живущий в России» и «поданный российского императора» и выступать в том значении, в каком используется современное «россиянин»).

Использование слова «долг» в двух из трех рассматриваемых текстах отсылает нас концепции власти, воспринимаемой как исполнение долга для воплощения в жизнь концепции «общего блага». Эта концепция возникла в английской политической мысли в XVII веке, а в России утвердилась в первой четверти XVIII века, в правление Петра I. Семантически близко к этой концепции понятие «народа» («народное благо»). Понятия же «верность» и «преданность» отсылает нас к более ранним семантическим пластам — к той эпохе (от царя Ивана Грозного до царя Алексея Михайловича), когда самодержавие трактовалось как прямое воплощение божественного начала на земле.

Обращает на себя внимание также редкое (в одном манифесте из трех) использование самого термина «власть», с заменой его на термины «правление» и «правительство».

Теперь возьмем следующие три манифеста и использование тех же семантических единиц (Таблица 2).

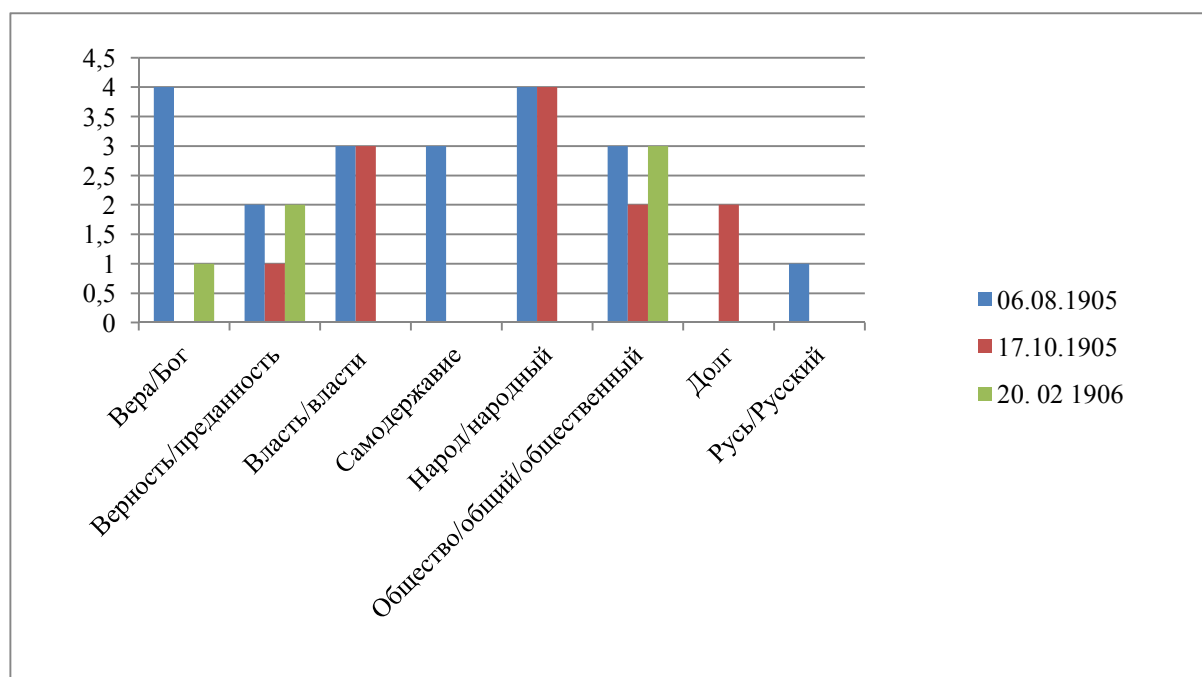
Таблица 2. Частота использования архаических семантических единиц, составляющих «поле власти» в Манифестах 6 августа 1881, 17 октября 1905, 20 февраля 1906

Семантические единицы.	06.08.1905	17.10.1905	20.02.1906
Вера / Бог / православие	4	0	1
Верность / преданность	2	1	2
Власть / власти	3	3	0
Самодержавие	3	0	0
Народ / народный	4	4	0
Общество / общий / общественный	3	2	3
Долг	0	2	0
Русский	1	0	0

Если же посмотреть на диаграмму использования этих терминов, то мы увидим резкое снижение частоты использования традиционных семантических единиц (до полного нуля в двух последних манифестах). А частотный «разброс» в гистограмме, показывает, что использование архаической семантики крайне неустойчиво.

Естественно предположить, что на смену семантическим единицам, отражающим «падающую» легитимность царской власти, должны прийти новые, те, которые смогут «удержать» легитимность, если не самодержавия, то монархии (в тех, естественно, социально-политических реалиях, которые сложились во второй половине 1905 и существовали до середины 1907 года).

Диаграмма 2. Частота использования архаических семантических единиц, составляющих «поле власти» в Манифестах 6 августа 1881, 17 октября 1905, 20 февраля 1906

Новая семантика власти в текстах рассматриваемых манифестов выражалась прежде всего семантических единицах, заимствованных из терминологии либерализма. Таких устойчивых словоформ три: закон / законность / законодательство; правила / правильный и права / свободы (см. Таблицу 3).

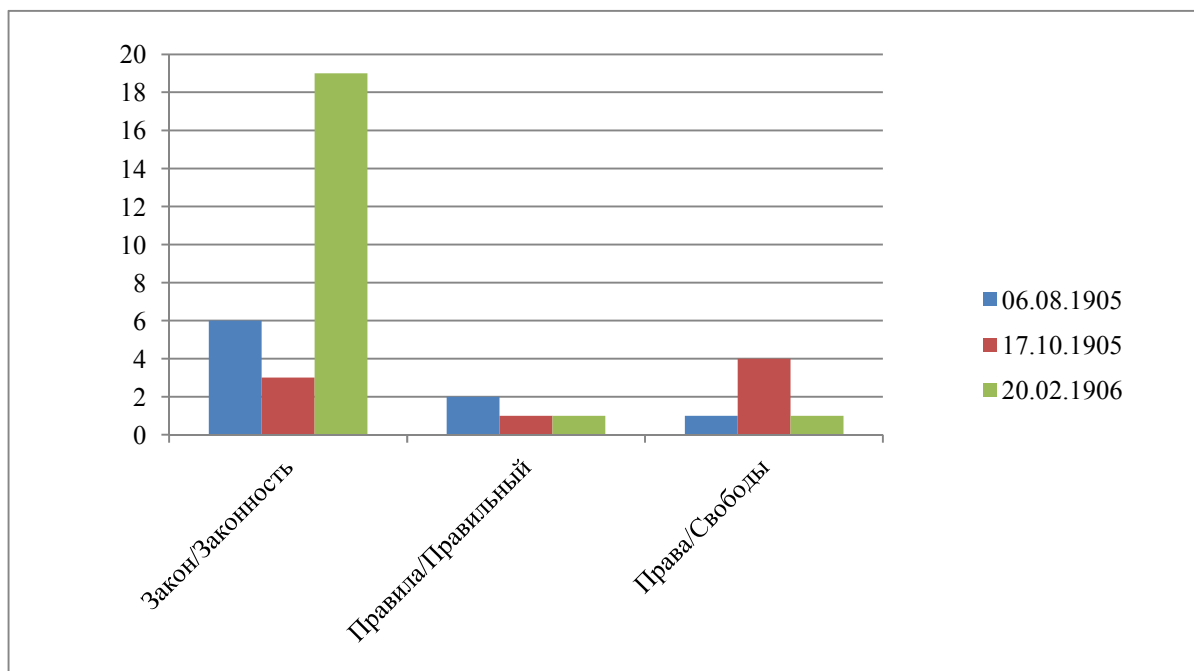
В отличие от архаичных семантических единиц, эти — новые, модернизаторские — дают высокую плотность их употребления, но небольшую частоту употребления, если вынести за скобки словоформы, связанные с термином

«закон» в Манифесте 20 февраля 1906 года (что связано с «рабочим» характером этого документа).

Таблица 3. Частота использования модернизаторских семантических единиц, составляющих «поле власти» в Манифестах 6 августа 1881, 17 октября 1905, 20 февраля 1906

Семантические единицы	06.08.1905	17.10.1905	20.02.1906
Закон / законность / законодательство	6	3	19
Правила / правильный	2	1	1
Права / свободы	1	4	1

Диаграмма 3. Частота использования модернизаторских семантических единиц, составляющих «поле власти» в Манифестах 6 августа 1881, 17 октября 1905, 20 февраля 1906

Однако 3 июня 1907 года реалии изменились. Распустив II Государственную думу, власть перешла в контрнаступление. И в тексте Манифеста 3 июня мы можем увидеть отражение этого контрнаступления, выраженное в примерно равном соотношении архаичных и модернизаторских семантических единиц, а также появлении «отвлеченной» семантики «правды» и «справедливости» (см. Таблицу 4), которая может быть соотнесена как с верой, так и с убеждениями революционеров, поскольку еще в 1869 году в своих «Исторических письмах» П.Л. Лавров, один из вдохновителей и активных деятелей революционного народничества 1870-х годов, писал: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении.

Воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула, обнимающая... все, что можно считать прогрессом»²³.

Таблица 4. Соотношение архаических и модернизаторских семантических единиц в Манифесте 3 июня 1907

Семантические единицы (архаические)		Семантические единицы (новые)	
Вера / Бог / православие	2	Закон / законность / законодательство	9
Верность / преданность	2	Правила / правильный	2
Власть / власти	6	Права / право	4
Самодержавие	0		
Народ / народный	7	Новации	
Общество / общий / общественный	0	Держава	4
Долг	1	Справедливость	1
Русский	3		

Одним из ярких проявлений отмеченного нами контрастушения является полное отсутствие семантических форм, связанных со словом «свобода» в этом манифесте, при сохранении семантики «права».

Особо следует отметить использование словоформ «державы», «державный» и т. п. В рассматриваемых нами манифестах XIX века есть слово «самодержец», но нет «державы». В Манифесте 26 февраля 1903 сразу пять словоформ, в разных вариантах: «державы», «державные дела (и труды)», «державная власть». В Манифесте 6 августа 1905 эта словоформа отсутствует, в Манифесте 17 октября 1905 используется один раз, в Манифесте 20 февраля 1906 года снова появляется. Зато в тексте Манифеста от 3 июня 1907 используется не только обозначение государства как «державы», но и «державная воля». Складывается впечатление, что сравнительно редко используемая семантическая единица «державы» в текстах манифестов появляется тогда, когда необходимо компенсировать отсутствие или ослабление архаического семантического поля. В семантике слова «державы» нет четкой отсылки к той или той идеологии. Она, если так можно выразиться, несет в себе патриотический пафос власти в самом общем виде. В общем с «державой» семантическое поле внеидеологической (но патриотической) торжественности входят и словоформы, которыми завершается этот манифест: «крепость, величие, слава».

²³ Арнольди С.С. (П.Л. Лавров.) Исторические письма. СПб., 1905. С. 30.

Несколько предварительных выводов. На наш взгляд, семантика легитимности власти в текстах манифестов конца XIX и начала XX века (до лета 1905 года) глубоко архаична и отражает представления о взаимодействии власти и народа, сформировавшиеся а) в XVI–XVII веках («богоустановленность» власти); б) в XVIII веке (концепции «долга» и «общего блага»); а также теории «официальной народности» второй трети XIX века. Представления о роли народа в этих манифестах отражены в терминах «верность» и «преданность», что в полной мере отражает отношение к народу как к совокупности «подданных». Государственная власть в этих текстах трактуется как власть «русская» и никакая другая, что особо наглядно демонстрирует усиление семантического поля «русскости» в противовес «иным народностям» в Манифесте от 3 июня 1907, в котором роль архаической семантики восстанавливается до уровня близкого к манифестам конца XIX века.

Первым элементом новой семантики власти стало появление в Манифесте от 6 августа 1905 словоформ со значением «право», «правила» и «закон». В тексте Манифеста 17 октября 1905 можно обнаружить разрыв с архаичными представлениями о государственной власти, что знаменуется исключением из словника манифеста терминов «вера», «верность», «преданность», «самодержавие» и включением в большом количестве новых опорных семантических единиц: «закон», «право», «правило», «свободы». Текст Манифеста 17 октября представляет собой попытку перехода от архаичных представлений о государственной власти к современной (для времени выхода документа) концепции «суверенитета народа». Эту тенденцию в еще большей степени утвердил Манифест 20 февраля 1906, в тексте которого больше всего отсылок к «закону» и меньше всего архаической риторики. Однако уже текст Манифеста 3 июня 1907 свидетельствует о стремлении к восстановлению прежнего семантического поля легитимности государственной власти, с использованием как архаичных словоформ, так и тех, что ранее использовались редко и не были плотно связаны с идеологией самодержавной власти.

Список литературы:

1. Арнольди С.С. (П.Л. Лавров.) Исторические письма. СПб., 1905.
2. Бородин А.П. Реформа Государственного Совета 1906 г. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 82–96.
3. Высочайший Манифест // «Богословский Вестник», издаваемый Московской Духовною Академиею. Сергиев Посад, 1894. Т. III. С. 13–14.
4. Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957.

5. *Карасик В.И.* Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999.
 6. *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.
 7. *Князьков С.* Самодержавие в его истинном смысле. СПб., 1906.
 8. *Куликов С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45–60.
 9. *Мальцева И.В.* Реформа Государственного совета в России в 1906 г. // Правоведение. 1994. № 5–6. С. 168–172.
 10. Письма Победоносцева к Александру III. В 2 т. Т. 1. М., 1925.
 11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1908.
 12. *Пронкин С.В.* Правительственный конституционализм в России XVIII — начала XIX века: традиции изучения. М., 2012.
 13. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994.
 14. *Рябкова Е.С.* Лингвокультурный концепт как элемент языка и культуры // Альманах современной науки и образования. 2012. № 4 (59). С. 187–188.
 15. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34.
 16. *Соловьёв Ю.Б.* К истории Манифеста 26 февраля 1903 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XI. Л., 1979. С. 192–205.
 17. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
 18. *Томсинов В.А.* Конституционный вопрос в России в 60-е — начале 80-х годов XIX века. М., 2012.
 19. *Tsvetkov V.Ya.* Semantic Information Units as L. Florodi's Ideas Development // European Researcher. 2012. Vol. 25. No 7. P. 1036–1041.
-

Solovyev K.

The semantics of legitimacy in the Emperor's Manifestos (late XIX — early XX century)

Solovyev, Konstantin — PhD in history; professor, Department of Political History, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: ksoloviov@spa.msu.ru

Annotation

The paper presents an analysis of the texts of seven Manifestos, published between 1881 and 1907. After the analysis of the semantic field of power, the author emphasizes both modern and archaic concepts of the legitimacy of the government. A comparison of these concepts in the text of the Manifestos published in 1905–1907 shows the transformation of the ideas of legitimacy of the state.

Keywords

Russian history; government legitimacy; the semantics of power; semantic units; October 17, 1905 Manifesto; June 3, 1907 Manifesto.

References:

1. Arnol'di S.S. (P.L. Lavrov.) *Istoricheskie pis'ma*. St.Petersburg, 1905.
2. Borodin A.P. Reforma Gosudarstvennogo Soveta 1906 g. *Voprosy istorii*. 1994, 4, pp. 82–96.
3. Vysochajshij Manifest. «*Bogoslovskij Vestnik*», *izdavaemyj Moskovskoj Duhovnoj Akademijeju*. Sergiev Posad, 1894. T. III, pp. 13–14.
4. *Gosudarstvennaja дума в России в документах и материалах*. Moscow, 1957.
5. Karasik V.I. *Jazykovaja lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki*. Volgograd, 1999.
6. Kir'janov I.K. *Rossijskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve*. Perm', 2006.
7. Knjaz'kov S. *Samoderzhavie v ego istinnom smysle*. St.Petersburg, 1906.
8. Kulikov S.V. Imperator Nikolaj II kak reformator: k postanovke problem. *Rossijskaja istorija*, 2009, 4, pp. 45–60.
9. Mal'ceva I.V. Reforma Gosudarstvennogo soveta v Rossii v 1906 g. *Pravovedenie*, 1994, 5–6, pp. 168–172.
10. *Pis'ma Pobedonosceva k Aleksandru III*. V 2 t. T. 1. Moscow, 1925.
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. Sobr. III. St.Petersburg, 1908.
12. Pronkin S.V. *Pravitel'stvennyj konstitucionalizm v Rossii XVIII — nachala XIX veka: tradicii izuchenija*. Moscow, 2012.
13. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv*. V 9 t. T. 9. *Zakonodatel'stvo jepohi burzhuazno-demokraticeskikh revoljucij*. Otv. red. O.I. Chistjakov. Moscow, 1994.
14. Rjabkova E.S. Lingvokul'turnyj koncept kak jelement jazyka i kul'tury. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*, 2012, 4(59), pp. 187–188.
15. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyj koncept kak sistemnoe obrazovanie. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija»*, 2004, 1, pp. 29–34.
16. Solov'jov Ju.B. K istorii Manifesta 26 fevralja 1903 g. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. T. XI. Leningrad, 1979, pp. 192–205.
17. Stepanov Ju.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury*. Moscow, 2004.
18. Tomsinov V.A. *Konstitucionnyj vopros v Rossii v 60-e — nachale 80-h godov XIX veka*. Moscow, 2012.
19. Tsvetkov V.Ya. Semantic Information Units as L. Florodi's Ideas Development. *European Researcher*, 2012, Vol. 25, No 7, pp. 1036–1041.